

В.В. Андреев

**Общеобразовательный очерк
русской истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.В. Андреев**
Общеобразовательный очерк русской истории / В.В. Андреев – М.: Книга
по Требованию, 2017. – 350 с.

ISBN 978-5-518-09587-8

ISBN 978-5-518-09587-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СЛАВЯНО-ВАРЯЖСКАЯ РУСЬ.

Славяне.

Скифы и сарматы. За двѣ тысячи лѣтъ, мѣстность, занимаемая теперь Россією, называлась греческими историками вообще Скиѳією. Подъ этимъ названіемъ разумѣлась вся страна къ сѣверу отъ Чернаго моря, весь сѣверо-востокъ Европы, и вообще объ этой странѣ имѣли смутное понятіе. Знали, что тамъ, на берегахъ нынѣшняго Днѣпра, родился въ обиліи хлѣбъ, потому что онъ вывозился изъ страны скиѳовъ. Извѣстіе Геродота о воловьихъ ярмахъ у скиѳовъ заставляетъ догадываться, что воздѣлываніе земли у нихъ могло имѣть черты общія съ тѣми, какія видимъ теперь; тѣмъ болѣе, что скиѳамъ былъ извѣстенъ и плугъ. Плугъ у нихъ былъ символомъ царской власти. Преданіе скиѳовъ говорило, что золотой раскаленный плугъ упалъ къ нимъ съ неба. Сначала никто не рѣшался подступиться къ нему. Наконецъ младшій сынъ царя поднялъ его, и съ этого времени плугъ вошелъ въ употребленіе. Плугъ—былъ символъ богатства и власти у скиѳовъ, потому что вывозя хлѣбъ, они взаимнѣ получали отъ иноземцевъ что было имъ нужно: выдѣланныя кожи, вино, масло, одежду. Они вывозили также сырыя кожи, мѣха, рыбу, лошадей, медъ и воскъ. Они разводили канюлю, тогда какъ греки сѣяли одинъ ленъ. Перечисляя отдѣльные племена на отдаленномъ сѣверѣ, Геродотъ упоминаетъ сверхъ того андрофаговъ (людоѣдовъ), напоминающихъ народныя преданія въ Россіи о Самояди, нынѣшнихъ самоѣдахъ, и о людоедствѣ, распространенномъ между ними въ старину. Въ меланхленахъ («черныхъ плащахъ»), другомъ народѣ, упоминаемомъ греческимъ историкомъ, надобно угадывать нынѣшнихъ финновъ, предпочитающихъ—особенно въ

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Эстоніи — темные и черныя цвѣта въ одеждѣ, всѣмъ прочимъ. Греки не могли быть вполне незнакомы съ мѣстностью, занимаемою теперь Россією, потому что на Черномъ морѣ у нихъ было нѣсколько торговыхъ поселеній и не подалеку отъ нынѣшней Одессы находился греческій городъ Ольвія, съ гимназіумомъ для обученія дѣтей и корабельною верфью.

Впослѣдствіи встрѣчаемъ у древнихъ писателей извѣстія о сарматахъ, народѣ, по описаніямъ, жившемъ также въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Въ сарматахъ видятъ предковъ нынѣшнихъ славянскихъ племенъ. Иностраннѣй историкъ Сумъ ¹⁾ производитъ «сарматъ» отъ «саръ» (рыжій); такимъ образомъ «сарматъ», значило по его объясненію, «рыжеволосый». Въ выдержкахъ сарматской рѣчи, встрѣчающихся у греческихъ и римскихъ писателей, находятся слова, имѣющія сходство со славянскими.

Славяне. Географъ Пталомей, во II по Р. Х., перечисляя извѣстные тогда народы, упоминаетъ и о ставанахъ. Сумъ и Тунмайнъ видятъ въ этомъ словѣ замѣщеніе по ошибкѣ одной буквы другою, и читаютъ вмѣсто «ставане» — «славане», т. е. славяне ²⁾). Греческому писателю, незнакомому со славянскимъ языкомъ, дѣйствительно не трудно было сдѣлать подобную ошибку, если только она не была простая описка. Народъ, упоминаемый Пталомеемъ, дѣйствительно жилъ на мѣстѣ нынѣшнихъ славянъ. Вскорѣ славяне дѣлаются болѣе извѣстными. Славянскія поселенія прежде распространялись дальше чѣмъ теперь. Въ Пруссіи и Германіи, гдѣ теперь живутъ нѣмцы, прежде жили славянскія племена: венды, поморяне и проч.

Когда славянскія племена, жившія въ нынѣшней Пруссіи и Германіи, подчинясь нѣмцамъ утратили свою народность, крайними представителями славянства, въ нынѣшнихъ предѣлахъ Россіи, остались чехи на сѣверо-западѣ («чехъ» значитъ крайній) и сербы на юго-западѣ. Сербы, подъ разными племенными назва-

¹⁾ Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древностей 1848, № 8, О славянахъ, стр. 3.

²⁾ Тамъ же, стр. 5.

ніями, соприкасались съ итальянцами и греками. Другія значительныя славянскія племена были словаки въ нынѣшней Венгріи и болгары на Дунаѣ. На Вислѣ жили ляхи (поляки). Въ нынѣшней Галиціи русины (рускіе). Славянское населеніе, жившее въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, дѣлилось также на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ. На племенные особенности вліяли мѣстныя условія, среди которыхъ жили славяне. Такъ славяне, жившіе на ровномъ мѣстѣ, по берегамъ Днѣпра, въ нынѣшней Кіевской губерніи, носили названіе полянъ. Среди лѣсовъ нынѣшней Волины жили древяне. Въ углу, образуемомъ Дунаемъ и Прутомъ (теперь «Буджакъ», что по татарски значитъ «уголъ»), жили угличи. Въ болотистомъ полѣсьѣ («трясина» по западно-руски—«дрягва») обитали дреговичи. Въ нынѣшней Смоленской губерніи встрѣчаемъ кривичей, названіе которыхъ производятъ отъ главнаго жреца сосѣдняго литовскаго племени криве, или отъ литовскаго «кирба» (сырое мѣсто). Полочане жили около нынѣшняго Полоцка. Сѣверяне къ сѣверу отъ полянъ, въ нынѣшней Черниговской губерніи. Сѣверитѣ прочіихъ славянскихъ племенъ, жило племя, носившее общее названіе словенъ и главнымъ городомъ котораго былъ Новгородъ; это племя тѣмъ болѣе могло цѣнить «слово», рѣчь (отъ чего и племенное названіе его), что почти со всѣхъ сторонъ было окружено народами, рѣчь которыхъ была ему непонятна.

Кирилъ и Меѳодій. До IX вѣка славяне были язычники. Въ это время первоучителями ихъ въ христіанствѣ являются два брата, уроженцы города Солуня (теперь Салоники), Кирилъ и Меѳодій. Кирилъ, въ свѣтѣ Константинъ, по прозванію Философъ, 24 лѣтъ отъ рода былъ священникомъ и отказался отъ архіерейскаго сана, предпочтя остаться бібліотекаремъ патріаршей бібліотеки. Послѣ онъ заключился въ уединенный монастырь, откуда выходитъ, чтобы вступать въ пренія съ бывшимъ патріархомъ иконоборцемъ Анніемъ и сарацинами ¹⁾. Въ Херсонисѣ (Крымъ) онъ учился по еврейски и русски и затѣмъ просвѣщаль ха-

¹⁾ Лавровскій, Кирилъ и Меѳодій, 192.

зарь. Меодій былъ прежде губернаторомъ славянскихъ провинцій греческой имперіи, но затѣмъ вступилъ въ монашество и удалился на Олимпійскую гору. Онъ обратилъ въ христіанство болгарскаго царя. Затѣмъ по просьбѣ славяно-паннонскихъ князей Ростислава, Святополка и Коцьла, Кирилъ и Меодій начали распространеніе христіанства между сѣверо-западными славянами. Меодій крестилъ чеховъ; крещены были и моравы, племя родственное чехамъ. Славяно-паннонскіе князья (въ нынѣшней Венгріи), приглашая къ себѣ учителя для наставленія въ христіанствѣ, просили, чтобы богослуженіе совершалось на ихъ родномъ языкѣ. Кирилъ, понимая въ какой степени можетъ содѣйствовать распространенію христіанства между славянами изложеніе св. писанія на родномъ имъ языкѣ, составилъ въ Византіи для нихъ азбуку. До того времени славяне своей азбуки не имѣли. За основаніе при составленіи славянской азбуки, принята была греческая, но такъ какъ въ ней только 24 буквы, а въ славянскомъ говорѣ значительно больше звуковъ, которые надобно было изобразить буквами, то Кирилъ прибѣгъ къ азбукамъ еврейской, армянской и коптской. По словамъ черноризца Храбра, жившаго нѣсколько позже Кирила (Кирилъ умеръ въ 869 году—на 42 г. отъ рожденія), въ славянскую азбуку составителемъ ея первоначально было введено 38 буквъ. Позже число ихъ увеличилось. Кирилъ составилъ славянскую азбуку не смотря на увѣщанія изъ Рима, что достойно славить Бога можно только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, потому—какъ утверждали римскіе богословы—что лишь на этихъ языкахъ сдѣлана была надпись на крестѣ Спасителя ¹⁾). Римскому папѣ удалось однако настоять, чтобы нѣсколько времени спустя по смерти Кирила въ 878 г.—славянскій языкъ замѣненъ былъ въ богослуженіи у западныхъ славянъ латинскимъ. Въ отличіе отъ буквицы (глаголитской), азбука, изобрѣтенная Кириломъ, стала называться кириллицей.

Всѣ шестьдесятъ книгъ вѣтхаго и новаго завѣта были переве-

---

¹⁾ Погодинъ, Кирило-Мее. Сборникъ, стр. 46—57.

дены подъ надзоромъ Меѳодія въ шесть мѣсяцевъ (отъ марта до октября) двумя священниками-скорописцами ¹⁾).

Божества славянъ-язычниковъ. Когда Кирилъ и Меѳодій распространяли христіанство между западными славянами, восточные, жившіе въ странахъ входящихъ въ составъ нынѣшней Россіи, оставались еще язычниками. Перунъ былъ главный богъ новгородскихъ славянъ, богъ молніи и грома. Въ Новгородѣ былъ деревянный истуканъ его съ серебряною головою и золотымъ усомъ. Предъ изображеніемъ Перуна въ Новгородѣ горѣлъ неугасаемый огонь буковыхъ деревьевъ ²⁾; если огонь угасалъ жреца, смотрѣвшаго за нимъ, казнили. Перуна представляли также въ видѣ истукана державшаго въ одной рукѣ шаръ, въ другой копьцо, и называли «крѣпкимъ богомъ»: Хорсъ (солнце) былъ богъ лѣта. Въ честь его были игры съ пѣніемъ—хороводы—представлявшіе круговое движеніе хора т. е. Хорса ³⁾. Волось былъ богъ стадъ. Вологою называлось все что получается отъ скота: масло, творогъ и проч. Волога составляла главную пищу славянъ во время празднества Волосу происходившаго въ началѣ нынѣшняго февраля. Волось же былъ и богомъ жатвы. Славяне удо ряли землю, выгнавая на поле скотъ. Они тамъ же послѣ пахали гдѣ прежде пасли и слово «пастбище» (по малороссійски «паша») произошло отъ одного корня съ «пахать». Волось будучи богомъ стадъ долженъ былъ оказывать вліяніе и на то, что зависѣло отъ удобренія, на урожай. Въ Костромской губерніи еще сохранился обычай оставлять пучекъ колосьевъ на сжатомъ полѣ, «волотку т. е. Волосу на бородку». По введеніи христіанства на Волосовой улицѣ въ Новгородѣ поставили церковь св. Власія, и народная вѣра тотчасъ сдѣлала этого святаго покровителемъ стадъ. На образѣ въ этой церкви св. Власій былъ представленъ окруженный стадами. 11 февраля (день св. Власія) былъ празднуемъ въ Новгородѣ какъ день масляницы. Въ этотъ день въ церковь приносилось для

¹⁾ Макарій, Исторія христіанства въ Россіи до временъ князя Владиміра, 184.

²⁾ Журналь М. Н. Пр., т. XI, стр. 618.

³⁾ Шеппингъ, мифы славянскаго язычества.

освященія волосное масло. Опахивая «коровью смерть» (изгоняя провѣтриваніемъ хлѣвовъ чуму рогатаго скота) наши предки по крещеніи въ христіанство призывали имя св. Власія.

У нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ чтился богъ наслажденія Ладо, или Ладонь ¹⁾. Въ честь его были празднества лѣтомъ, давшія начало семику.

Вѣра въ рожаницъ (7 планетъ) оставалась между славянами и по принятіи христіанства. Вѣрили, что кто родится въ извѣстный день, тотъ будетъ подъ вліяніемъ той, или другой планеты. Христіанская церковь старалась долго впоследствии искоренить эту вѣру въ рожаницъ.

Празднества и обряды ²⁾. Увеличеніе дня въ концѣ декабря праздновалось у славянъ пѣснями коляды (отъ коло — «кругъ», то есть круговое движеніе солнца, откуда также «колесо»). «Коляда» одного происхожденія съ словомъ «календарь». Празднованіе «коляды» совпадало по времени съ нынѣшними святками. Снѣгъ, зимній покровъ земли, представлялся на праздникъ коляды въ видѣ бѣлой рубашки надѣтой поверхъ всего прочаго. Еще до послѣдняго времени такъ одѣвали дѣвушку, представлявшую коляду. Начало весны встрѣчалось праздникомъ совпадавшимъ по времени съ нынѣшнею пасхою: тутъ славяне-земледѣльцы праздновали конецъ труднаго времени для нихъ, когда зимніе запасы оскудѣвали, а лѣтніе еще не поспѣли. Весна приносила кормъ голодавшему скоту, подспорье въ пищѣ людямъ и потому наступленіе ея было праздникомъ. Въ іюнѣ былъ праздникъ въ честь Купалы. Съ этого времени (съ Иванова дня) начинали купаться. Но какъ коляда приносила съ собою увеличеніе дня и торжество добрыхъ духовъ, такъ праздникъ Купалы былъ торжествомъ злыхъ духовъ: дни начинали уменьшаться, сильные жары дѣлали въ другое время безвредныхъ годовъ ядовитыми, скотъ подвергался опасности зараженія отъ вредныхъ испареній болѣе чѣмъ въ холодную пору. Въ праздникъ Купалы проводили скотъ сквозь пылавшіе костры для очищенія. Черезъ такіе же костры прыгали люди. Дымъ ко-

¹⁾ Костомаровъ. Славянская мѣтологія, стр. 27.

²⁾ Шепшингъ, русская народность въ ея празднествахъ и обрядахъ.

стровъ считался, и по нынѣ считается населеніемъ иныхъ мѣстностей напр. Вологодской губерніи, предохранительнымъ средствомъ противъ заразительныхъ испрепій. Праздникъ Купалы совпадалъ также со временемъ исканія кладовъ. Клады зарывались людьми вѣрившими, что полезное живому будетъ полезно и по смерти. Потому въ воображеніи искавшихъ они охранялись духами. На взрыхленной землѣ, лежавшей надъ кладомъ, росли естественно растенія нѣсколько отличныя отъ росшихъ вокругъ, на землѣ нетронутой заступомъ. Это дало поводъ искать клады по растеніямъ и фосфорическому блеску, являющемуся въ влажныя и теплыя лѣтніе вечера на нѣкоторыхъ изъ растеній, приписывали силу указанія кладовъ. Подобно тому же какъ скоро опытъ показалъ, что спертый воздухъ хлѣбовъ усиливаетъ чуму, явилось опахиваніе «коровьей смерти», но изъ этого сдѣлали обрядъ, и то что легко объяснить законами природы, приписывали сверхъестественной силѣ. Подъ осень, около сентября, кликали авсень, (также овсень, или обосень). Кликаніе авсеня продолжалось также цѣлые вѣка послѣ введенія христіанской вѣры.

Повѣрія славянъ ¹⁾). Славяне почитали память предковъ. «Чуръ-чура» нынѣшнихъ игръ, остатокъ почитанія славянами чура т. е. щура, или какъ мы говоримъ «пращура». Родительская субота — такой же остатокъ славянской старинны, какъ выставленіе перваго блина въ слуховое окно для покойныхъ родителей — обычай сохранившійся въ степныхъ губерніяхъ. Какъ степной житель увѣренъ, что «первый блинъ» станетъ комомъ въ горлѣ невспомнившаго объ умершихъ родителяхъ, такъ бѣлоруссъ до настоящей поры поливаетъ родительскую могилу медомъ и водкой, закапываетъ въ нее красное яйцо и, накрывая ее скатертью, празднуетъ память покойныхъ. У славянъ-язычниковъ было въ обыновеніи закапывать съ покойникомъ въ могилу, вещи которыя онъ любилъ при жизни. На могилѣ умершаго праздновалась тризна. Вѣра въ домоваго также заимствована у древнихъ славянъ. Этотъ махнатый сторожъ домашняго благополучія имѣлъ на сво-

¹⁾ Шеппингъ см. выше. Костомаровъ, Слав. Мнѣ., стр. 56, 64.

емъ особенномъ попеченіи очагъ, и хозяйка должна была смотреть, чтобы у нея постоянно были горячіе уголья, если не хотѣла разгнѣвать домового. Домовой праздновалъ свои именины 28 января. Съ 1 марта на него напала хандра и затѣмъ до осени о немъ не было слышно. Снова начинались долгіе вечера и темныя ночи, воображеніе населенія, принужденнаго опять проводить почти все время дома, разыгрывалось вновь, и снова начинались проказы домового. Кашей-ядунъ или безсмертный и бага-яга были злые духи славянъ. Каша они представляли въ видѣ скелета. Славяне вѣрили, что человѣкъ, послѣ смерти можетъ оборотиться волкомъ, или инымъ звѣремъ. Вѣра въ обратней заставляла ихъ не только чтить, но и бояться умершихъ. Утопленники и умершіе колдуны тревожили ихъ воображеніе, пока осиновый колъ, вбитый въ сердце трупу, не успокоивалъ ихъ. Осина, съ ея вѣчно колышавшимися, трепещущими листьями, была «проклятымъ» деревомъ въ народныхъ преданіяхъ. Колдуны (чешское «кюдити», сербское «кудити») и кудесники (одного корня съ «чудеса») были люди знавшіеся съ таинственными силами и заставляли себя бояться. Волхвы, языческіе жрецы славянъ, также носили на себѣ печать таинственнаго, волшебнаго. Вѣдмъ, женщинъ знавшихъ (вѣдавшихъ) больше обыкновенныхъ людей, благодаря нечистой силѣ, воображеніе славянина представляло въ видѣ злой старухи. Человѣкъ, старавшійся прочесть судьбу казался славянину врагомъ (ворогомъ); женщину предсказывавшую будущее онъ звалъ ворожею. Суевѣріе населяло лѣсъ лѣшими, озера и рѣки русалками (отъ русло). Волоса утопленницъ естественно могли перепутываться съ тиною и народное воображеніе создало для русалокъ зеленые волосы, которые они расчесывали выходя на берегъ и заманивая довѣрчивыхъ къ себѣ въ воду. Озерамъ и колодезямъ славяне приносили жертвы, вѣшая приношенія на вѣтвяхъ деревьевъ, что послѣ было соединено съ празднованіемъ семика. Если треснувшее отъ жара дерево въ избѣ производило шумъ—воображеніе славянъ видѣло въ этомъ дѣло злаго духа, кикиморы (шишиморы). Осенніе вѣтры и непогода насылались злымъ духомъ карачуномъ, избрѣтеннымъ воображеніемъ корпатскихъ славаковъ и давшимъ названіе у насъ рож-

дственскому посту, въ первое время называвшемуся «карачуновскимъ».

Сосѣди славянъ. Въ нынѣшней сѣверной Россіи и къ югу, до мѣстности гдѣ теперь Москва, Владиміръ и Рязань, жили народы финскаго племени. «Финнъ» — на древне-исландскомъ языкѣ значить «болотный житель» отъ «фенъ» — «болото». Житель Финляндіи и самъ называетъ себя болотнымъ жителемъ («суоми» — «болото» по фински). Болѣе южныя финскія племена, наприм. летты (латыши) имѣли понятіе о земледѣліи; наше слово «пырей» заимствовано у латышей и у нихъ значить «озимая пшеница». Но болѣе сѣверныя финскія племена, среди мѣстности дѣйствительно болотистой и холодной, не занимались земледѣліемъ составлявшимъ основу славянскаго быта. Къ сѣверу отъ латышей, въ нынѣшнемъ прибалтійскомъ краѣ, жили ливы и эсты. Это были племена угрюмыя, сдержанныя по характеру, какъ угрюма природа окружающая ихъ. Эстонецъ никогда не поетъ; мы видѣли уже что любимыя цвѣта его одежды были темныя. Въ нынѣшней средней Россіи и по Волягъ до Казанской губерніи жили другія финскія племена: Меря, Мурома, Мордва, Мещера, Черемисы, Чуваши и др. Черемисы и Чуваши, жившіе въ сосѣдствѣ съ народами татарскаго происхожденія, впоследствии переняли не мало обычаевъ у нихъ. У черемисовъ славяне заимствовали варенье кутыи, въ старину приготовлявшейся какъ по мертвымъ такъ и по живымъ. У черемисовъ же было обыкновеніе класть съ покойникомъ вещи, служившія ему при жизни, въ могилу. Поволжскіе финны были хорошіе пчеловоды. У мордвы было особенно развито птицеводство. Рыболовство было однимъ изъ обычныхъ занятій финновъ. Между ними были также хорошіе кузнецы. Среди финновъ люди пользовавшіеся суевѣріемъ народной массы — волхвы и кудесники — собирали еще болѣе богатую жатву, чѣмъ между славянами.

Въ средней Россіи финны впоследствии слились со славянами въ одно племя, — но и до настоящаго времени финскія племена уцѣлѣли полосами въ центрѣ Россіи, напр. карелы въ Тверской губерніи. Значительная часть названій городовъ и рѣкъ нынѣшней сѣверной и средней Россіи — финскія и служатъ свидѣтельствомъ

когда-то бывшего нераздѣльнаго господства тутъ финновъ. Таковы Вязьма, Кострома («ма» по фински «земля»), Москва, Нева («ва» — «вода») и проч. Одежда финновъ средней Россіи отчасти сдѣлалась народною русскою, напр. поневы и кички Мешеры, сарафаны, повойники и кокошники жившей въ малолѣсьи Мери ¹⁾).

Въ нынѣшнихъ Волынской и Минской губерніяхъ, къ югу отъ западныхъ финновъ, жили литовцы. Какъ трудность добыванія огня въ старину заставляла славянина хозяина грозить хозяйкѣ не берегшей горячихъ угольевъ гнѣвомъ домашнего, такъ у литовцевъ постоянно горѣлъ священный огонь—зничъ. Храненіе огня было обязанностью литовской хозяйки. Дружка встрѣчая невѣстку литвянку пріѣхавшую въ «коляскѣ», обѣгалъ ее три раза съ пылавшею головнею въ рукахъ, говоря: «какъ ты берегла огонь у отца, такъ береги его у мужа». Обмывъ у невѣсты ноги водою и окропивъ этою водою все въ домѣ и скотину, осыпали затѣмъ невѣсту хмѣлемъ, мазали ей губы медомъ и водили ее около священнаго огня ²⁾. Многое изъ литовскаго быта; литье воска, бросанье башмака и платка при гаданіи, вѣру въ дурной глазъ, мы встрѣчаемъ и въ русской народной средѣ. Литовцы вѣрили подобно славянамъ, что умершему пригодится то, что было нужно при жизни. Это заставляло ихъ класть въ могилу съ мужиною мечъ, деньги; съ женщиною иголки, нитки, пряжу. Съ богатыми покойниками иногда вляли въ могилу живыхъ собакъ, лошадей, даже слугъ и служанокъ. Перкунъ у литовцевъ былъ то что Перуцъ у славянъ—главный богъ. Вайделотки (старухи-ворожей) играли у литовцевъ роль славянскихъ и финскихъ волхвовъ и были подъ вѣдѣніемъ главнаго жреца Криве. Наступленіе весны литовцы подобно славянамъ встрѣчали долгимъ праздникомъ.

Въ углу образуемомъ Волгою, въ нынѣшней Казанской губерніи, жили болгары, народъ восточнаго происхожденія, родственныя татарамъ. «Болгара», по киргизски значитъ «юфть», кожа,

¹⁾ Чтенія, 1846, О земляхъ рязанскихъ, I, 6.

²⁾ Костомаровъ. Литовское племя.